

Научная статья

УДК 008:130.2

doi: 10.17223/22220836/46/14

РУССКИЕ БЕЗОБРАЗНИКИ. «ПРОБУЮЩИЙ ЧЕЛОВЕК» Ф.М. ДОСТОЕВСКОГО

Татьяна Александровна Шаповалова-Гупал

*Томский государственный архитектурно-строительный университет, Томск, Россия,
stalx@bk.ru*

Аннотация. На материале публицистического и романного творчества Ф.М. Достоевского эксплицированы понятия «безобразник» и «пробующий человек» в их культурно-специфической определенности, в их отношении к христианской традиции и фольклору. Представлен анализ экзистенциальных феноменов власти, лжи, пробы. Выявлены коды негативной эстетики Достоевского. Исследуются представления Достоевского об источнике зла в человеке, социальных механизмах становления и трансляции зла, о социальной норме в ее отношении к социальному идеалу и аномии, взгляды на соотношение сознания и моральной ответственности, обозначена проблема связи способности к рефлексии и выбора стратегии жизненного эксперимента.

Ключевые слова: зло, рефлексия, проба, власть, ложь, негативная эстетика

Для цитирования: Шаповалова-Гупал Т.А. Русские безобразники. «Пробующий человек» Ф.М. Достоевского // Вестник Томского государственного университета. Культурология и искусствоведение. 2022. № 46. С. 169–181. doi: 10.17223/22220836/46/14

Original article

TO THE TYPOLOGY OF “BEZOBRAZNIK”, BY DOSTOYEVSKY. THE YOURSELF-AND-OTHERS-TESTING-MAN

Tatiana A. Shapovalova-Gupal

Tomsk State University of Architecture and Building, Tomsk, Russian Federation, stalx@bk.ru

Abstract. “Justify, do not punish, but call evil evil”, F.M. Dostoevsky urged. Novels and journalism of Dostoevsky are a kind of a genealogy of evil. In the Bible, the ability to distinguish between Good and evil and, as a consequence, the ability to feel shame, mark the birth of consciousness and the beginning of human history. With the recognition of evil, according to Dostoevsky, the movement towards Good begins, the path of salvation of the soul.

As the Christian Dostoevsky recognized the metaphysical origins of evil in human being. As a psychologist and thinker, Dostoevsky is focused on the study of what is available for observation and analysis. He discovers biological and social “mechanisms of evil” – the impulse to power inherent in man; contradictions between consciousness and unconscious movements of the soul; pathological fantasizing instead of real activity; dysfunctional family and others.

Human being is between the ideal and the “beast”. The ideal is absolute goodness embodied in the person of Jesus Christ. “The Beast” is the worst degree of human fall (failure), in which a person is worse than an animal, since he retains the ability to be conscious, does evil consciously. Between the two poles (poles of Good and evil) are the norm (“a decent person”) and various forms of moral anomies. Dostoevsky uses folk and his own, original, definitions for various forms and degrees of immorality. These are “unfortunates”, “criminals”, “bezobrazniki” (literally “without-an-image-people”; in Russian word usage, in the worldview of Dostoevsky the words “bezobrazie”, “bezobraznik(-i)” express a negative ethical assessment (“bad”) through a negative aesthetic assessment (“ugly”).

Dostoevsky applies the concept of “bezobrazniki” to the characteristic Russian types of falling away from the image of Christ: a man of passions, a drunkard, a reveller, a narcissist, an

envious person, a fool, a liar, a buffoon/ a holy fool, a philosopher/a God-fighter, a femme fatale/homme fatale (a seducer, a molester, a rapist), etc. All criminals are “bezobrazniki”, but not all “bezobrazniki” ones are criminals. “Bezobrazniki” enjoy their own fall, while parading it in a false confession that replaces a genuine confession and active repentance.

At the turn of cultural eras, Dostoevsky recognized the dramatic phenomenon of “the trying man” (“the yourself-and-others-testing-man”), determined to realize his desires and ideas, while sacrificing others, not himself. Dostoevsky contrasts such “the trying man” with the Christian image of a saint or a righteous person who transforms society through the transformation of himself. Both have consciousness and self-consciousness, both act in this world at their own peril and risk. Holiness is an exceptional phenomenon; egocentrism is a widespread phenomenon and thus affirms itself as a norm that threatens humanity and humanism.

Keywords: Good and evil, reflection, bezobraznik, test/testing, power, lie, negative aesthetic

For citation: Shapovalova-Gupal, T.A. (2022) To the typology of “bezobraznik”, by Dostoyevsky. The yourself-and-others-testing-man. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universita. Kul'turologiya i iskusstvovedenie – Tomsk State University Journal of Cultural Studies and Art History*. 46. pp. 169–181. (In Russian). doi: 10.17223/22220836/46/14

Ф.М. Достоевский, как известно, придерживался концепции человека, согласно которой пока человек жив, судьба его не решена и есть надежда на спасение. Вера в спасение является отправной точкой схождения Достоевского в ад человеческой души. Многие романы Достоевского – формально детективы по жанру, по сути – генеалогия зла. В 1884 г. Р.Л. Стивенсон¹ писал: «Нельзя начать и остановиться. Начав один раз, постоянно приходится продолжать. Это правило. Для дурного человека нет отдыха» [11]. И в сюжетах Достоевского, и в жизни много тому примеров, но силы русского мыслителя брошены на поиски пути спасения. Путь этот начинается с распознания зла², скрупулезного расследования истинных мотивов поступков³ и ведет к покаянию⁴.

Распознавание зла осуществляется ввиду идеала – богочеловека, «сияющей личности самого Христа». Идеал недостижим. Посильная задача обычного человека – стать человеком «порядочным». Требования Достоевского к «порядочному человеку» высоки. Кто этот «порядочный человек», который «не лев» [3], не «белокурая бестия»? Это человек душевно здоровый в интеллектуальном, эмоциональном и волевом отношениях, способный «осознавать» и, в силу этого, ответственный в полной мере за свои слова, дела и помыслы. Есть особые условия Достоевского-почвенника, это семейственность, собственность, гражданственность, труд [Там же].

Идеал един, многотрудная норма редка, а аномия охватывает человеческое большинство. Идеал – Христос – уникален. Подлинная человеческая оригинальность достигается на пути следования Добру, в отступнике же индивидуально-личностное стерт. Где выглядывает типическое, там зачастую «хорошее» уже поддалось злу, там «зверь», а не человек [Там же]. Специфика понимания типического у Достоевского заключается в различении дурного типического и «нормального» (как неизбежного), причем в их индивидуальном и коллективном проявлениях. Нормальное типическое в отдельном челове-

¹ Р.Л. Стивенсон (1850–1894), младший современник Ф.М. Достоевского, был знаком с его творчеством, влияние Достоевского на творчество Стивенсона бесспорно.

² «... надо сказать правду и зло назвать злом» [3. С. 22].

³ Герой романа «Подросток» прямо задается целью «документировать» свои душевные движения и события, в которые он оказался вовлечен, с возможной точностью.

⁴ «Дальше подобного удивительного подвига, казни над самим собой... идти покаяние не может, если бы только... если это действительно было покаяние и действительно христианская мысль» (отец Тихон – Николаю Старвогину [9]).

ке – быть «всего лишь» обыкновенным, «скромным», сознавать это и быть верным себе; в человеческом коллективе (народе) нормальное типическое проявляется в следовании призванию и через это в раскрытии особенных у каждого народа талантов и внесении своего исторического вклада в устройство человеческого. Дурное типическое в отдельном человеке – быть болезненно озабоченным собственной оригинальностью вплоть до впадения во грех (самый грех, по Достоевскому, никогда не бывает оригинален, только в большей или меньшей степени «некрасив», в противовес «чудесной и чудотворной красоте» Христа); дурное типическое в народе – дать себе соблазниться своими национальными бесами и «сбиться» вплоть до самоискоренения [3].

Достоевский отрицает «общечеловека»: «...любить общечеловека – значит наверно уж презирать, а подчас и ненавидеть стоящего подле себя настоящего человека» [Там же. С. 61]. В реальности не найти ни «общечеловека», ни «идеальных типов», но только сложные сочетания добра и зла, неповторимые композиции противоречий. Путь человека разверст и в то же время сокрыт для внешнего наблюдателя и порой для него самого, и «человек не всегда на себя похож» [Там же. С. 151]. Все же есть сходное между людьми, которое ни в праведнике, ни в злодее не образует законченного типа, ведь где идеал, где превосходная степень, там нет человека, а есть либо Бог, либо «зверь» [Там же]. Романские типы Достоевского, как живые люди: что ни персонаж, то отдельный, самостоятельный тип. Публицистические типизации Ф.М. Достоевского отличаются от романских¹; вместе они составляют хорошо разработанный инструментарий и результат культурфилософского, психологического, социального анализа русского национального характера и, шире, человеческой природы.

«Безобразники» – оригинальное понятие Ф.М. Достоевского, объемлющее ряд характерных типов отступничества русского человека от Бога и себя, образов «падения души человеческой» [Там же. С. 68]. В безобразниках особенно ярко проступает национально-специфическое. В «Дневнике писателя» Ф.М. Достоевский указывает некоторые контексты, в которых проявляет себя русский безобразник: «Любовь ли, вино ли, разгул, самолюбие, зависть <...>» [Там же. С. 66]. Реестр русских безобразников не исчерпывается угадываемыми здесь *человеком страстей*², *пьяницей*, *гулякой*, *самолюбцем*, *завистником*. В конечном счете, все эти типы замешаны на той или иной преувеличенной страсти, но всего разнообразия страстей не исчерпывают. В публицистике и романах Достоевского встретим также *дурака*, *игрока*, *лгуна*, *скомороха / юродивого*, *философа / богоборца*, *роковую женщину*³ и др.

¹ Публицистические типизации более схематичны, как, например, типология русских философов и философов [3].

² К этому типу принадлежит и романский Достоевский Джозефа Кутзее (Дж. Кутзее. Осень в Петербурге. 1994).

³ Данный тип, как и другие названные, не имеет строгого гендерного ограничения, у него есть симметричное мужское соответствие, это роковой мужчина, соблазнитель, первая губящая женщину любовь (Самсонов в жизни Грушеньки, Тощий в жизни Настасьи Филипповны и др.). Отдельные представители этого типа интересуют Достоевского-исследователя только как представители (одновременно) типа сластолюбца-растлителя. При этом эротический компонент выведен писателем за рамки повествования как отсутствующий в спектре переживаний совратителя (насилника) и его жертвы. Итак, есть не только «роковая женщина», но и «роковой мужчина». Оба монструозны, архетипически андрогинны. Тема получает развитие в романе «Приглашение на казнь», где в качестве пары к иисусо- и женоподобному Цинциннату В. Набоков вводит «рокового мужика» («жениха») – палача: «*Роковой мужик еще не приехал? Рубка еще не завтра?*».

Все преступники – безобразники, но не всякий безобразник – преступник. Под определение «безобразник» подпадают у Достоевского представители разных возрастов¹, обоих полов², всех классов русского общества, в различной мере и с различной степенью сознательности нарушившие христианские заповеди, писанные и неписанные законы.

В безобразнике совершается расподобление образу: безобразный – значит прежде всего безобразный и уже в силу этого некрасивый, уродливый. Именно как предельно «некрасивое» определяет отец Тихон преступление Николая Ставрогина против Матрешы. Предвидимая отцом Тихоном реакция народного суда на это самое гнусное и страшное в представлении Достоевского преступление также из области эстетики поступка – это смех. Защитный, извергающий преступника из народа, изничтожающий, очистительный. С эстетической меркой Достоевский подходит и к таким пагубным страстям, грехам и прегрешениям, как пьянство, сквернословие, ложь и др. Естественная реакция неприятия на их очевидное неблаголепие является первым шагом к осмыслению, оценке и преодолению. В поэтике Достоевского система кодов негативной эстетики имеет огромное значение: во-первых, в них сконцентрирована значительная выразительная сила, и, во-вторых, они узнаваемы, благодаря чему безошибочно ориентируют читателя в системе нравственных координат автора. Эстетические коды нищеты, пьянства, насилия, сквернословия и богохульства, патологического фантазирования, тоски-скуки в текстах Достоевского распознаваемы по чрезмерности, порой абсурдности образного ряда, по сопутствующим им мотивам («размазывания» и (лже)исповедальности с налетом аутоэротизма³, психического заражения, физической (телесной) экспансии, безумия и др.), по ярким манифестациям агрессивности и сексуальности в противовес слабой выраженности механизмов сублимации, по навязчивой повторяемости персональных мифов вплоть до полного забвения персонажами себя и забалтывания истины.

Мера ответственности человека за отдельные поступки и всю его жизнь лежит как на нем самом, так и на обществе, которое не только должно «сказать правду и зло назвать злом», но и «половину тяготы приговора взять на себя»⁴ [3. С. 25]. Степень вины тем выше, чем более развито в преступившем самосознание: «коль скоро вы в силах умственно поставить вопрос: „ответственен я или неответственен за дела мои?“ значит непременно уж ответственны» (отец Тихон – Николаю Ставрогину [9]). По Достоевскому, общественное оправдание преступления «средой», а тем более самооправдание

¹ Илюшечке Снегирёву [5], скормившему собаке Жучке с хлебным мякишем булавку, девять лет.

² Достоевский не отрицал ни способности женщины ко злу, ни полноты ее моральной ответственности. Среди примеров человеческой жестокости в «Дневнике писателя» особенно выделяется один: молодая мать подставляет ручонку своего дитяти, плачущего из-за режущихся зубок, под струю самоварного кипятка, чтобы не досаждал ей. Садистка была оправдана присяжными, Достоевский неистовствовал [3].

³ «Ужасно хочу ничего не стыдиться», «Заголимся и обнажмся!» [Там же. С. 101–102, 239].

⁴ То есть принять деятельное христианское участие в судьбе «страдальца» и, что не менее важно, осознать свою долю вины в преступлении и исправлением себя способствовать исправлению общества. Те же, кто связан со «страдальцем» узами любви, брака, родства, призваны разделить его судьбу (Сонечка и Грушенька [8, 4]). В «Преступлении и наказании» Достоевский выводит также пример парадоксальной готовности русского человека понести чужую вину [8].

преступника есть не меньшее зло, чем само преступление, есть «софизм»¹ [3]. Утрата жгучего стыда, ощущения свершившегося несчастья нивелирует потребность в покаянии, а вместе с тем лишает преступника надежды на искупление и ведет зачастую к самоубийству.

Произведения Достоевского (пере)населены безобразниками. Более всего мыслитель обрушивается на тип сознательного и последовательного преступника, «который даже перестал себя считать за преступника: это животное, это зверь» [Там же]. Не случайно образы Карамазова-старшего, Смердякова, Свидригайлова, Лужина герметичны, замкнуты, ведь сознание «зверя», «скотины» недоступно². Вместе с тем актуальность для Достоевского проблемы источника зла в человеке и проблемы путей его становления очевидна. Люди, по Достоевскому, «веками выделяются» [Там же. С. 188], ни доброе, ни злое в них не случайны. Убежденный христианин и восприимчивый христианской антропологии, Ф.М. Достоевский, тем не менее не был силен в теологии, вопросах жизни церкви и монашества [10]. Он обладал живым интересом к человеку, незаурядными аналитическими способностями, доходившей до жестокости честностью в наблюдении себя и других, был захвачен проблемами современности и не склонен к построению умозрительных теорий, творчество было органичной для писателя формой социального действия. Это отчасти объясняет тот факт, что в исследовании проблем добра и зла Достоевский-христианин не был ортодоксом (или даже был еретиком), был скорее первооткрывателем психологических истин, чем последователем богословских догматов.

У Достоевского нет однозначных ответов на вопрос об источнике зла в человеке. С одной стороны, он не отрицает христианскую идею о родовой сопричастности человека метафизическому злу. С другой – Достоевский связывает грех и преступление с противоречиями, простирающимися дальше и «глубже» известного христианству напряжения между душой и телом, представления о трехсоставности человеческого естества. В душе человека Достоевский выделяет жизнь сознания и жизнь «неосознаваемых идей», а также мыслительный, чувствующий и волевой аспекты. Область неосознаваемого, по Достоевскому, не поддается регуляции со стороны сознания, но, напротив, обладает огромной властью над ним. Это власть природного, биологического – власть пола, желания, стремления владеть другим живым существом, причинять ему физическое и нравственное страдание и / или быть самому истязаемым и унижаемым. По Достоевскому, любая власть – политическая, социальная, религиозная – не просто содержит грубый биологический компонент, но происходит из него. Все сферы человеческих отношений у Достоевского

¹ Писатель высмеивает чуждую ему концепцию Сократа, согласно которой дурные поступки есть следствие невежества [3. С. 30].

² На противоположном полюсе не менее таинственные праведники и провидцы. Среди них такие, в чьем прошлом Достоевский позволяет усматривать путь от греха до искупления (отец Тихон в «Бесах» [4]). Это недоступное, немислимое бытие – жизнь сознания, сопричастного самой своей памятью совершенному некогда преступлению и побеждающего зло в непрерывной борьбе, представляет огромный душевращательный, жизнеустроительный интерес. Достоевский, отговариваясь несклонностью к «мистике», оставляет наш интерес неудовлетворенным, вероятно, не в силах постичь или помыслить этот опыт. Достоевский проследивает движение Свидригайлова, Смердякова и Ставрогина к самоубийству, Мити Карамазова и Родиона Раскольникова к наказанию и покаянию, Ивана Карамазова и Катерины Ивановны к сумасшествию. Восхождение же, путь праведника, остается сокрытым.

заряжены состязательностью, и для его безобразников вопрос доминирования есть общий и наиболее болезненный пункт. Проблему зла в человеке высвечивает и открытие тотальной противоречивости человеческого бытия. Противоречия возникают как между разнонаправленными неосознаваемыми импульсами, так и между ними и актами сознания и воли. На уровне поэтики Достоевского это отражено в мотивах двойничества и раздвоения личности (безумия), в экзистенциальном «вдруг»¹.

Главное противоречие русского человека касается самого для него святого – его веры в Иисуса Христа². Достоевский видел противоречие в сосуществовании в русском человеке этой благоговейной веры с «порывом отрицания и саморазрушения» [З. С. 67], с «потребностью хватить через край, потребностью в замирающем ощущении, дойдя до пропасти, свеситься в нее наполовину, заглянуть в самую бездну и – в частных случаях, но весьма нередких – броситься в нее как ошалелому вниз головой»³ [Там же. С. 66]. Характерным русским противоречием Достоевский считал «потребность страдания», в силу которой русское счастье всегда со слезами на глазах, а к страданию примешивается острое наслаждение, степень самонаказания и стремление к искуплению превосходят совершенное преступление, силы кающегося и человеческие возможности.

Путь зла начинается с незнания «хорошего» и утраты веры в его необходимость: «Делали подлое, но знали, что делают подлое, а что есть хорошее; теперь же не веруют в хорошее и даже в необходимость его» [Там же. С. 206]. Незнание «хорошего» и утрату веры (в «хорошее» и веры вообще) Достоевский определяет понятием «несчастья». Достоевский отмечает, что «название преступления несчастием, а преступников – несчастными» принадлежит к числу «чисто русских идей», незнакомых европейским народам [Там же. С. 29]. У Достоевского понятие «несчастные» включает уже не только уголовных преступников, но всяких «пьяненьких» и «черненьких», увлеченных заимствованными идеями («восторженных»), лгунов и игроков. Найти общее между ними – значит уловить то, в чем Достоевский-мыслитель усматривает универсальный механизм развития зла.

Сознательные и последовательные в своих дурных поступках «безобразники» Достоевского – опытные «рефлекторы». В особенности они склонны к азартному, сладострастному самоуличению, в котором доходят до исступления и самоговора, до такого искаженного, самоотрицающего образа «Я», которое свидетельствует уже не только о неадекватности самооценки, о намерении превзойти окружающих, хотя бы и в гнусности, но и о стремлении самооправдания, замаскированном под предельную откровенность. Чудовищные излияния не

¹ В этом «вдруг» у Достоевского сталкиваются неожиданность эмоциональной реакции или поступка (преступления) героя для стороннего наблюдателя, с одной стороны, и остающаяся невидимой для наблюдателя, а зачастую и неосознаваемая самим героем, подготавливающая и объясняющая поступок работа души. Достоевский отмечал, что злодеяния порой («вдруг») совершают совершенно здоровые и добрые люди. Некоторые критики усматривают в этом стремление Достоевского оправдать собственные запретные влечения. Такая точка зрения свидетельствует о непонимании психологической интерпретации этого «вдруг», данной Достоевским.

² «Может быть, единственная любовь народа русского есть Христос, и он любит образ его повоему, т.е. до страдания» [З. С. 71].

³ Ср.: «Кто сражается с чудовищами, тому следует остерегаться, чтобы самому при этом не стать чудовищем. И если ты долго смотришь в бездну, то бездна тоже смотрит в тебя» (Ницше Ф. По ту сторону добра и зла. 1886).

достигают ни высшей точки исповеди, раскаяния, ни облегчения душевных страданий. Грех при этом подменяется виной [2]. Достоевский акцентирует в лжеисповедальности подмену народного суда – самоосуждением, деятельного раскаяния, собственно дела, труда искупления – действиями вербальными, бесплодным «рефлектированием», тем более опасным, что оно увлекает «рефлектора» от реальной жизни в пустыню его слабого, не(само)достаточного «Я».

Потребность в другом, в других, естественная для всякого человека, возрастает в человеке слабом. Но не способный «ужиться» с самим собой, он не способен ужиться и с другими, и отношения власти и подчинения приобретают в его мыслях и во взаимодействии с окружением чрезмерное значение¹. Слабость, децентрированность такого субъекта толкают его к другому, в котором он находит источник силы и внешнюю опору, а с разрывом отношений, с утратой другого лишается и ее. Так происходит со Свидригайловым: смерть Марфы Петровны освободила его не только от брачных «пут», но, кажется, и от уз, связывавших с жизнью; других же уз, с Дуней, сплести ему не было дано. Так происходит со Ставрогиним: гибель уже совершенно «фантастических» других², не способных быть опорой – малолетней Матрёши и юродивой Марьи Тимофеевны Лебядкиной – «развязывают» и его, приближая к смерти. Более других повезло Раскольникову, которому Достоевский ниспослал Соню Мармеладову; в этих образах Достоевский как будто развивает христианский посыл о слабости тирании и силе кротости. В соотношении позиций власти (силы) и претерпевания (страдания) возможны и иные варианты: тирания слабости и (со)зависимость, подчиненность силы, сосуществование различных моделей распределения власти. Мефистофель и его жертва «взаимно друг в друге нуждаются» [3. С. 72–73].

В отношениях безобразника с окружающими – все то же «забвение всякой мерки» [Там же. С. 66–67], присущее отношению русского человека к себе, к идеям, к пагубным пристрастиям: перепады от холопства до барства, от эгоистического равнодушия до горячего участия, от суетливой, преувеличенной вовлеченности, «припадков общительности» до отстраненности и плохо переносимого одиночества, от наивной доверчивости до болезненной подозрительности, от «восторженности» до обесценивающего цинизма, от импульсивности до расчетливости, от высокомерия до лакейства и скоромошества. Эти крайности должны быть рассмотрены как выражение властных импульсов, как насильственные стратегии в отношении другого, обусловленные отсутствием самоуважения, чувства собственного достоинства – власти над собой. Их осознаваемой или неосознаваемой, но недостижимой целью является оккупация «Я» другого и насаждение того мифологического образа

¹ Забота «поставить себя» и «не сбиться» перед другими сопровождает персонажей Ф.М. Достоевского на протяжении их жизни. Озабоченность мнением окружающих, естественная для подростка (Аркадий Долгорукий), развивается в настоящую болезнь у вполне зрелых персонажей (Раскольников, Катерина Ивановна и Амалия Ивановна, генерал Иволгин и др.). Даже безобидная «овца» князь Мышкин, освобожденный как будто от фанаберии болезнью и диагнозом, не вполне свободен от властного стремления сравнивать, оценивать, судить, он пускается в рассуждения о том, добра ли Настасья Филипповна, приговаривает Ганю как человека «слабого очень и нисколько не оригинального», невольно разжигает соперничество Аглаи Епанчиной и Настасьи Филипповны и т.д.

² Самая «фантастическая» пара у Достоевского – «пара» Фёдор Павлович Карамазов – Лизавета Смердящая. Невозможность союза черта и ангела, символически означенная «явлением» в мир Смердякова, служит, вероятно, идее Достоевского о недопустимости неразличения добра и зла и компромисса как их «среднего арифметического».

«Я», которое в представлении самого безобразника о себе теснит «Я» реальное. Ярким примером диалектики власти и подчинения, амбивалентности власти у Достоевского является пара Мармеладов – Катерина Ивановна. Оба они выступают друг по отношению к другу то в роли мучителя, то мученика. Оба равно ответственны за судьбу Сони и вовлечение своих детей в стигматизирующую драму нищеты, унижения, страха, вины – оба безобразники. Семья Мармеладовых – показательный пример «случайной» семьи. Дисфункциональные семьи у Достоевского – это оплот зла, они обеспечивают его межпоколенную эстафету. Считать ли идею Достоевского о наследственной расположенности ко злу (например, у Карамазовых) социальной метафорой или следует понимать ее в свете полубуквальных христианских представлений о первородном грехе – вопрос открытый.

Одна из форм подспудной работы зла – ложь. Интеллектуальная манипуляция и игра, порождение альтернативных реальностей (и виртуализация мира), психологические причины и выгоды лжи, ее степени и модальности, в том числе национально окрашенные, – вот неполный перечень аспектов лжи, затрагиваемых Достоевским. Отвечая на вопрос «Отчего у нас все лгут, все до единого?» [З. С. 240], Достоевский отмечает особенности русской лжи и русских лжецов. Русская ложь не инструментальна, не влечет за собой очевидных выгод, чем и настораживает. Первое объяснение такой лжи – ее эстетическая функция, стремление русского человека «произвести эстетическое впечатление в слушателе» [Там же. С. 241]. Она возникает в порядке «прибавления» к реальности. Другие особенности русской лжи, такие как ее неприметность для самого лжеца и постепенное уверование в собственный вымысел, «деликатная взаимность вранья», не столь невинны. Наконец, Достоевский обличает скрывающиеся в русской лжи «страх истины», «стыд за себя», борьбу самоотрицания и самоутверждения [Там же. С. 245–246], парадоксальным образом совместимые с романтизируемым Достоевским иммунитетом русского человека к самообману: «Самый крупный безобразник, самый даже красивый своею дерзостью и изящными пороками, так что ему даже подражают глупцы, все-таки слышит каким-то чутьем, в тайниках безобразной души своей, что в конце концов он лишь негодяй и только. Он недоволен собою; в сердце его нарастает попрек, и он мстит за него окружающим» [Там же. С. 69].

Ложь у мыслителя Достоевского – экзистенциальный феномен. Из всех модальностей лжи больше всего его интересует самообман. В этой связи примечательны образы Марьи Тимофеевны Лебядкиной, Ардалиона Александровича Иволгина, Ипполита Терентьева. Самообман деформирует реальность настоящего, прошедшего и будущего. В крайнем проявлении он граничит с психопатологией или даже ведет к ней. В самообмане действительность, «дело» замещаются «мечтой», идеализированной реальностью. Лжец выступает искусителем, вынуждающим окружающих выбирать не только между стратегиями сострадания или уличения, но и между реальностями. Этот нравственный выбор отягощен как признанием права страдальца на лучшую реальность, так и священными для русского человека формами непрямого высказывания¹, привычкой жить во лжи и парадоксаль-

¹ Священное безумие (юрродство), иносказательность библейских текстов, практики смеховой культуры, система культурных кодов, сложившихся в ситуации перманентного русского раскола.

ным, почти рефлекторным стремлением видеть при этом всюду намек на правду.

Ключом к пониманию Достоевским зла, греха, преступления и преступника в их национальном выражении служит «история двух Власов». Сюжет является фольклорной обработкой реального случая, освещавшегося криминальными хрониками [1]. Два Власа составляют пару искуситель – жертва, на примере которой Достоевский развивает аналитику русских бесов. Образ искусителя, «русского Мефистофеля» [3. С. 72], в народной легенде отсутствует и, видимо, измышлен писателем. Уже в изложении истории Достоевский дает ее интерпретацию: суть истории в споре двух мужиков «Кто кого дерзостнее сделает?» [Там же. С. 63]. По версии Достоевского, спор этот возник в продолжение их соперничества, приведшего к заключению «контракта» мученика и мучителя, уже связанных взаимной ненавистью и получаемыми обоими «адским наслаждением собственной гибелью», «восхищением перед собственной дерзостью» [Там же. С. 74]. Влас-искуситель «выказывает себя большим психологом» [Там же], Влас-жертва способен в совершенном сознании пережить огромное напряжение и имеет такую душевную силу, такое мудрое сердце и столько еще веры, что они охраняют его от надругательства над святыней, насылая спасительное видение. И «пополз Влас по миру за страданием» [Там же. С. 77].

Для героя Достоевского его другой – источник счастья, страдания, познания мира и самопознания, зачастую – одновременно. Даже отношения любящих антагонистичны. Парная экспозиция персонажей способствует раскрытию идеи противоречивости человека, которая в полной мере обнаруживается в ходе испытания – «пробы». У Достоевского каждый испытывает каждого. Грушенька и Настасья Филипповна проверяют своих кавалеров на чистоту намерений и меряются силами с соперницами, Илюшечка Снигирев истязает собачку, Лебедев испытывает генерала Иволгина на порядочность, Порфирий Петрович «пытает» в ходе дознания Раскольникова, Раскольников испытывает самого себя, Свидригайлов и Ставрогин испытывают долготерпение Бога, Алексей Иванович испытывает свою фортуна, Ипполит испытывает терпение всех окружающих и все окружающие терзают Мышкина... Кроме потребности получить ответы на свои вопросы или преследования конкретной выгоды в пытке другого присутствует, как у Власа-искусителя, «потребность чужого страдания, человеческого унижения, – черт знает, может быть, из ученого наблюдения?» [Там же]. В пользу этого говорят наличие самого испытывающего действия, «эксперимента», сопутствующий испытанию мотив пристального наблюдения за реакцией «подопытного» (подслушивания, подсматривания, выведывания через третьих лиц, интриги), элемент демонстративности, провокативности и манипуляции, циничское пренебрежение чувствами жертвы.

Центральное значение для философии Достоевского экзистенциальных тем пробы, игры, свободы, а также наличие между ними тесных смысловых связей маркировано на уровне языка общностью реализующих их лексико-семантических полей: 1) со значением «страсть» (страсть, торжество, мука, отрицание, гордость, наслаждение, ужас, напряжение, ненависть, изнеможение, оцепенение и др.); 2) со значением «искушение» (искушение, наваждение, мечта, видение, восторг, восхищение, соблазняться, разжигаться, подда-

ваться, отступать и др.); 3) со значением «свобода» (свобода, воля, дерзость, верх, дело и др.); 4) со значением «испытание» (испытание, проба, пытка, дерзость, бесстыдство, наглость, эксперимент, насмешка, хохот и др.); 5) со значением «время» (минуточка, часочек, момент, мгновение, вдруг). Названные лексические единицы приобретают у Достоевского статус этических и эстетических понятий, причем этическое конвертируется в эстетическое¹ и наоборот (так же, как в понятиях «красота», «чистота», «умиление», «страдание», «сострадание» и др.). Многозначность этих и других понятий несет важную смысловую нагрузку и указывает на связь философии и поэтики Достоевского с Библией и фольклором.

Испытание, или проба, представляет собой сложный комплекс действий и реакций вовлеченных персонажей: провокация, манипуляция, угроза или другая форма насилия в отношении другого, при которой другой выступает средством достижения цели и источником особого удовольствия наблюдать метания жертвы, борьбу мотивов в ситуации выбора, момент принятия решения, моральные переживания и др. Пробующий не только репетирует будущее действие (как Раскольников – убийство), но и проверяет себя и другого, испытывает судьбу. В его наслаждении кроме упоения чужим страданием и собственной дерзостью, властью, предвкушения победы важна также острота чувств и ощущений, усиленных опасностью, выпадением игровой ситуации из обыденности. Игры пробующего с его жертвой напоминают игры животных. Стратегии наблюдения, подражания, умозаключения по аналогии доступны и человеку, и зверю. Достоевский, исследовавший социальные механизмы трансляции зла, не случайно уделяет особое внимание семье: дети и подростки «пробуют» этот мир в своих играх так же, как в природе это делают детеныши животных, применяя и развивая усвоенные в семье навыки и апробируя и совершенствуя различные модели поведения. Показательны в этом отношении и эпизоды детской жестокости в романах Достоевского, и целиком роман «Подросток» как протокол роста и созревания нового, которое еще не определено и с равной вероятностью может стать «зверем» или человеком².

Пробующий человек испытывает себя – не только на силу характера, способность совершить недозволенное, гнусное, но и на способность переносить последующее отвержение со стороны общества и собственное к себе отвращение, одиночество. Возможно, неосознаваемой потребностью является при этом предельная концентрация «Я» через разрыв не удовлетворяющих героя социальных связей. Он зачастую асоциален; спектр его асоциальных проявлений весьма широк, причем, например, в Николае Ставрогине сошлись все формы асоциальности, и автор шаг за шагом отслеживает движение героя от непреодолимого внутреннего побуждения схватить за нос «почтенного

¹ «Голые стены, кроме потных разводов и трещин, не были оживлены ничем; только в одном месте кто-то расписался охрой, малярным махом: «Проба кисти, проба кист» – и уродливый оплыв <...>» (Набоков В. Приглашение на казнь. 1934) – эта «проба кисти» – аллюзия на эпизод из «Преступления и наказания», своего рода дань почтения Ф.М. Достоевскому. «Проба кисти» становится у В. Набокова метафорой письма, искусства «ловитвы слов» («Приглашение на казнь», «Дар»).

² В противоположность этим сценам и сюжетам Достоевский вводит описания идеальной детской дружбы, дружбы между детьми и взрослыми. Вместе со сценами доверительной беседы, исповеди, беседы с духовником они входят у Достоевского в обширную проблематику духовного наставничества и христианской педагогики.

старейшину клуба» к преступлению «против малых сих» [4]. Что же такое – эта влекущая «бездна»? Нечто, что делит жизнь на «до» и «после», то ли высвобождая, то ли закабалая для несения креста, и как крест у каждого свой, так и бездна – у каждого своя. Власть, которой обладает преступник над его жертвой, привлекает, по видимости, не только возможностью повелевать и мучить, но и тем чувством полноты жизни и остроты настоящего момента, которое неразрывно связано с позицией надстояния, из которой власть пресуществляется, и со зрелищем страдания жертвы (в то время как сам преступник лишен способности глубоко чувствовать, он больше «переживает» и «раздражается»¹). Обладающий властью владеет как бы самой реальностью, настоящим. Самые страшные испытания – покаяться, вынести народный приговор, вынести душевную муку, неизбежно следующую за преступлением [9] – влекут преступника не меньше, чем восторг своеволия и восстания против Бога.

Притяжение бездны тем сильнее, что преступник по большей части лишен обычных для обычных (нормальных) людей самоактуализирующих стимулов, через социально приемлемые формы сопричастности, ведь он постоянно терпит коммуникативную неудачу или добровольно замыкается в высокомерном одиночестве. Привычка к рефлексии, аутокоммуникации частично компенсирует бытийную неукорененность, но вместе с тем способствует тому, что рефлектор мигрирует все глубже в себя². Вероятно, преступление и совершается «из другого мира» и, в психологическом смысле, представляет собой попытку преодоления разрыва между взаимно отдаляющимися действительным и внутренним мирами, тогда как в символическом плане преступление для преступника – не только акт утверждения «Идеи», но и знак онтологического торжества субъективного над объективным.

Не каждый «пробующий человек» непременно преступен. В поисках объединяющей «пробующих» черты следует обратить внимание на характеристики «новых людей», поколения молодых современников Достоевского [3]. Не все они нечаевы или нечаевцы; из различных контекстов противопоставления Достоевским «старых» людей «новым» следует, что общими для последних являются обостренно-критическое отношение к жизни, импульс и воля к действию преобразования себя и реальности. В романах Достоевского есть примеры того, что сегодня назвали бы положительной девиацией – праведности (праведность старцев), исключительной доброты (доброта и всепонимание князя Мышкина), самоотверженности (самоотверженность русских жен и матерей) и т.д.; это девиация, освященная традицией, исключения, задающие идеал и участвующие опосредованно в конструировании социальной нормы. В названных случаях девиация соотнесена, во-первых, с евангельскими добродетелями, отнюдь не новыми, и, во-вторых, с актуальным, современным Достоевскому социальным запросом – требованием самостояния личности, решимости следовать своим, сознательно выбранным, путем, впрочем, запросом, восходящим к христианскому экзистенциализму. Жизнь

¹ Один из наиболее ярких тому примеров – герой «Записок из подполья».

² По Достоевскому, мышление мышлению – рознь. Ф.М. Достоевский различал способность к рефлексии как условие становления отличающих человека сознания и самосознания, затем – продуктивное мышление, в соединении с действием преобразующее реальность внутреннего мира и реальность социальную, и «рефлектирование» как склонность отдельных индивидов, навязчивую, если не сказать патологическую, все подвергать осмыслению несообразно масштабу события вплоть до искажения представлений о реальности, ее распыления в мелочах.

святого, в ключе этих размышлений, – это пространство эксперимента (над собой), в котором он действует на свой страх и риск, принимая на себя всю ответственность за дела и помыслы. Смерть за идею, за христианскую веру не является необходимым критерием святости. Для христианства, для Достоевского важна жизнь за идею, каждодневное усилие следования сделанному осознанно, хотя и вызывающему порой сомнения выбору, и это требование является общечеловеческим. Жизнь за идею, просто жизнь не дается безобразникам Достоевского, им не хватает то осознанности, то чувства, то власти над собой – воли, то всего одновременно.

Пробующий человек – тип мыслящий и действующий, в своем роде практический философ, претворяющий идеи в жизнь, поверяющий идеи жизнью. Бездеятельная рефлексивность «старой» русской интеллигенции – постоянный объект критики Достоевского, но сокращение дистанции между идеей и жизнью несет свои опасности. И идеи бывают разные, в том числе чудовищные, и способы их реализации: один человек при этом жертвует собой, другой – окружающими, один переделывает себя, другой – мир. Ф.М. Достоевский признает единственный путь преобразования мира – через «выделывание» (Ф.Д.) человека, причем не каким-либо внешним способом, но посредством воспитания им самого себя, т.е. не массово, и постепенно, не «вдруг».

В выведенном Достоевским типе пробующего человека утверждался императив осознанности, оформившийся впоследствии в мифологему житнетворчества, вне контекста которой сложно понять философию Ницше, культуру Серебряного века, русский авангард, современность. Отношение Достоевского к образу пробующего человека и предугаданной в нем модели социальных взаимодействий будущего противоречиво. Достоевский приветствует осознанность, но в реальности ей не всегда сопутствует ответственность. Достоевскому импонирует живой ум, но мысль, непосредственно переходящая в действие, настаивает на его, и он готов сожалеть о сдерживающей силе безрефлексивно усваиваемых традиций и интеллигентской нерешительности: уже не только Раскольников действует, руководствуясь «Идеей», но и Влас... Кроме моральной ответственности разума, в образах безобразника и пробующего человека Достоевским проблематизированы также ведущие к общественной разобщенности тенденции психологизации и интеллектуализации.

Список источников

1. *Архипова А.В.* Комментарии : Ф.М. Достоевский. Дневник писателя. 1873. V. Влас. URL: <https://rvb.ru/dostoevski/02comm/105.htm> (дата обращения: 16.06.2021).
2. *Васильюк Ф.Е.* Исповедь и психотерапия : доклад на ежегодной конференции Суражской епархии 26–29 мая 2000 г. URL: <https://www.xpa-spb.ru/libr/Vasilyuk/ispoved-i-psihoterapiya.html> (дата обращения: 15.06.2021).
3. *Достоевский Ф.* Слезинка ребенка. Дневник писателя. М. : АСТ, 2015. 352 с.
4. *Достоевский Ф.М.* Бесы. Роман в 3 частях. СПб. : СПИКС, 1993. 639 с.
5. *Достоевский Ф.М.* Братья Карамазовы. Роман в 4 частях с эпилогом. Новосибирск : Зап.-Сиб. кн. изд-во, 1984. Ч. 1–4. 1119 с.
6. *Достоевский Ф.М.* Идиот : [роман]. Новосибирск : Зап.-Сиб. кн. изд-во, 1980. 623 с.
7. *Достоевский Ф.М.* Подросток : [роман]. М. : АСТ, 2020. 576 с.
8. *Достоевский Ф.М.* Преступление и наказание : [роман]. М. : Дрофа, 2008. 607 с.
9. *Достоевский Ф.М.* У Тихона : [Ненапечатанная глава] // Достоевский Ф.М. Бесы. URL: <https://omiliya.org/article/besy-nenapечатannaya-glava-u-tikhona-ispoved-stavrogina-f-dostoevskii> (дата обращения: 15.06.2021).

10. Малягин В. Достоевский и церковь // Прихожанин : православный интернет-журнал. URL: <https://prihozhanin.msdm.ru/dnevnik-pisatelya/2911-dostoevskij-i-tserkov.html> (дата обращения: 15.06.2021).

11. Стивенсон Р.Л. Похититель трупов // Стивенсон Р.Л. Путешествие внутрь страны. Клуб самоубийц : сборник: пер. с англ. СПб. : Logos, 1994. URL: http://az.lib.ru/s/stiwen-son_r_l/text_1884_the_body_snatcher.shtml (дата обращения: 15.06.2021).

References

1. Arkhipova, A.V. (1873) Kommentarii: F.M. Dostoevskiy. Dnevnik pisatelya Vol. 5. Vlas [Comments: F.M. Dostoevsky. Writer's diary. Vol. 5. Vlas]. In: Dostoevsky, F.M. *Sobranie sochineniy v 15 tomakh* [Collected Works: in 15 vols]. Vol. 12. St. Petersburg: Nauka. pp. 308—315. [Online] Available from: <https://rvb.ru/dostoevski/02comm/105.htm> (Accessed: 16th June 2021).

2. Vasilyuk, F.E. (2000) *Ispoved' i psikhoterapiya. Doklad na ezhegodnoy konferentsii Surozhskoy eparkhii 26–29 maya 2000 g.* [Confession and psychotherapy. Report at the annual conference of the Diocese of Sourozh, May 26–29, 2000]. [Online] Available from: <https://www.xpaspb.ru/libr/Vasilyuk/ispoved-i-psihoterapiya.html> (Accessed: 15th June 2021).

3. Dostoevsky, F. (2015) *Slezinka Rebenka. Dnevnik pisatelya* [Tear of a Child. Writer's Diary]. Moscow: AST.

4. Dostoevsky, F.M. (1993) *Besy. Roman v 3 chastyakh* [Demons. A novel in 3 parts]. St. Petersburg: SPIKS.

5. Dostoevsky, F.M. (1984) *Brat'ya Karamazovy. Roman v 4 chastyakh s epilogom* [Brothers Karamazov. A novel in 4 parts with an epilogue]. Novosibirsk: Zap.-Sib. kn. izd-vo.

6. Dostoevsky, F.M. (1980) *Idiot* [Idiot]. Novosibirsk: Zap.-Sib. kn. izd-vo.

7. Dostoevsky, F.M. (2020) *Podrostok* [The Adolescent]. Moscow: AST.

8. Dostoevsky, F.M. (2008) *Prestuplenie i nakazanie* [Crime and Punishment]. Moscow: Drofa.

9. Dostoevsky, F.M. (n.d.) *Besy* [Demons]. [Online] Available from: <https://omiliya.org/article/besy-nenapechatannaya-glava-u-tikhona-ispoved-stavrogina-f-dostoevskii> (Accessed: 15th June 2021).

10. Malyagin, V. (n.d.) *Dostoevskiy i tserkov'* [Dostoevsky and the Church]. [Online] Available from: <https://prihozhanin.msdm.ru/dnevnik-pisatelya/2911-dostoevskij-i-tserkov.html> (Accessed: 15th June 2021).

11. Stivenson, R.L. (1994) *Puteshestvie vnutr' strany. Klub samoubiyts* [Travel Inland. The Suicide Club]. Translated from English. St. Petersburg: Logos. [Online] Available from: http://az.lib.ru/s/stiwen-son_r_l/text_1884_the_body_snatcher.shtml (Accessed: 15th June 2021).

Сведения об авторе:

Шаповалова-Гупал Т.А. – кандидат философских наук, доцент кафедры философии и истории общеобразовательного факультета Томского государственного архитектурно-строительного университета (Томск). E-mail: stalx@bk.ru

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Information about the author:

Shapovalova-Gupal T.A. – Tomsk State University of Architecture and Building (Tomsk, Russian Federation). E-mail: stalx@bk.ru

The author declares no conflicts of interests.

*Статья поступила в редакцию 08.07.2021;
одобрена после рецензирования 04.01.2022; принята к публикации 15.05.2022.*

*The article was submitted 08.07.2021;
approved after reviewing 04.01.2022; accepted for publication 15.05.2022.*